

Творчество — это болезнь души,
подобно тому, как жемчужина есть
болезнь моллюска.

Генрих Гейне

Мой сад — мой самый прекрас-
ный шедевр.

Клод Монэ

Дом отпугивал и притягивал одновременно. Стоящий высоко на холме, он доминировал над поселком, расположившимся у подножия. Подавляя величием, роскошью и великолепием, которого никогда не достичь тем, кто внизу.

Не в силах отвести взгляд от огромного дома, что на мгновение заслонил ей солнце, Есения пыталась разобраться в собственных чувствах. Дом, хотя домом язык не поворачивался его назвать, куда более ему подходило неожиданно всплывшее откуда-то из глубин памяти французское *maison* — «особняк», — вызывал желание подойти поближе, потянуть на себя тяжелую входную дверь, окунуться в вековую прохладу, пробежаться босиком по старинным плитам, касаясь руками стен и перил, чувствуя, как холод пробирается в самое сердце, пронзает тело и превращает кровь в лед. Затем, согрвшись светом из витражных окон, ожить, отпереть все закрытые на замки двери, заглянуть в потайные комнаты и познакомиться с призраком

(в таком доме наверняка должен обитать призрак!) и, возможно, подружиться с ним. Но, глядя на особняк, Есения не могла отделаться от мысли, что некоторым дверям лучше оставаться закрытыми навсегда.

Она с трудом подавила желание схватить мужа за руку и начать умолять его вернуться назад, в привычную жизнь, где все знакомо и безопасно.

Но даже упади она сейчас на колени и залейся слезами, Ян вряд ли станет ее слушать. В отличие от жены, едва завидев дом, он немедленно пришел в детский восторг. Приказал шоферу остановиться на обочине — ему хотелось насладиться видом новой собственности и размять ноги после почти пяти часов пути.

Поселок, в котором формально был расположен дом, не сразу отыскался на карте. Лишь созвонившись с его хранителем, Есения смогла выяснить, где именно находилось так неожиданно свалившееся на их голову наследство. Точнее, на голову Яна. Ведь только ему могли дарить столь шикарные подарки. К особняку прилагались еще пять гектаров земли, находящейся в заповедной зоне.

— Ясечка, смотри, какой шик! — воскликнул Ян.

Как давно Есения не видела на лице мужа такой искренней улыбки.

Казалось, все это осталось далеко в детстве, которое уже не вернуть. Но нет, оказывается, Есения ошиблась. Все это время улыбка была жива, просто

пряталась под грузом лет, ошибок, страстей и пороков. Но сейчас она снова расцвела.

Ян был в восторге. Приплясывал, что-то напевал под нос — кажется, что-то новенькое. И делал бесконечные фотографии.

— Может быть, ближе подъедем? — робко, боясь спугнуть хорошее настроение мужа, предложила Есения, когда спустя пятнадцать минут Ян все так же стоял посреди дороги, салютуя проезжающим мимо машинам и стремясь поделиться со всем миром своей нежданной радостью.

— Подъедем, милая, обязательно подъедем. — Неожиданно Ян подхватил Есению и закружил. Она испугалась — тощее, костлявое тело мужа, казалось, было не в состоянии выдержать и малейшей нагрузки. В какой-то момент Есении показалось, что сейчас они упадут и покатаются в сухую дорожную пыль. Как тогда, в детстве, когда это еще могло насмешить и накрыть с головой незамутненной радостью.

Она сжала руки, чтобы крепче вцепиться в Яна в жалкой попытке удержать его от падения. Поддерживать, спасти, пусть даже ценой собственной жизни. Но Ян, наигравшись, поставил жену на землю, крепко обнял и поцеловал с обычной страстью. Взяв ее лицо в руки, он уставился ей прямо в глаза, и Есения снова почувствовала, как гипноз проникает прямо в сердце и душу и она снова готова идти за Яном, словно глупый ребенок за волшебной дудочкой Крысолова. Несмотря ни на что. Вопреки всему.

— Мы будем там счастливы, Ясечка, все будет по-другому, я тебе клянусь. Как когда-то.

Есения молча кивнула и попыталась отвести взгляд. Но от Яна ее попытка не укрылась. Он не разжал рук и не ослабил хватку, не дал ей ускользнуть.

— Ты мне не веришь?

Есения почувствовала, как беспокойство уступает место панике:

— Ну что ты, конечно, верю! Поэтому я на это и согласилась, — неумело соврала она.

Впрочем, Ян никогда не уделял особого внимания оттенкам ее голоса. Поэтому ложь осталась незамеченной.

Есения обняла мужа и уткнулась лицом в рукав теплой замшевой куртки — сшитой в Милане, на заказ, разумеется. Мастера сочли за честь.

Обнявшись, они вернулись в машину и оставшийся до особняка путь проделали в тишине. Ян держал Есению за руку, а она вцепилась в его тонкую, изящную ладонь, словно утопающий, который в отчаянной надежде остаться в живых хватается за обломок корабля, оставшийся после крушения.

Чем ближе они подъезжали к дому, тем больше Есения волновалась — все ли в порядке? Несколько дней назад она отправила в дом персонал, который вот уже много лет обеспечивал им с Яном комфортный быт. Светлану, добрую фею, заботившуюся об их завтраках, обедах, ужинах и официальных при-

емах. А также Машу — домоправительницу, но по факту скорее компаньонку для нее, Есении, ведь, кроме Маши и Яна, она больше ни с кем толком и не общалась.

Сама Есения хотела приехать в дом вместе с ними, чтобы подготовить все к приезду мужа и сделать его пребывание максимально комфортным. Но Ян не захотел отпускать жену, попросил сопроводить его, да и сама она в глубине души была рада такому решению. Когда Ян находился под ее круглосуточным присмотром, ей было спокойнее.

Она поручила Маше найти в поселке женщину, которая могла бы взять на себя уборку огромного дома, а также по мере необходимости помогала бы самой Маше в ее делах. Также требовалось подыскать садовника. Основным условием, как обычно, была незаметность, умение держать язык за зубами. Каждый, кто соглашался работать в доме Есении и ее мужа, подписывал договор, в котором помимо условий конфиденциальности прописывались мельчайшие детали, вплоть до цвета одежды персонала. Все, что происходило в стенах их дома, не должно было быть известно больше никому.

Маше удалось отыскать идеальный вариант — некую Нину Сергеевну, с детства немую. Та была рада работе и за три дня отмыла дом до блеска. Насколько это было возможно. Садовником же стал Петр Алексеевич, бывший военный, приглядывавший за домом и раньше. К болтовне, по заверениям Маши,

не склонный. Ну а сама она как обычно принялась хлопотать и наводить уют.

Дом нуждался в серьезной ревизии и ремонте. Там давно никто не жил, а некоторые комнаты использовались прежними хозяевами как склад ненужных вещей. Маше предстояло все их со временем разобрать и рассортировать.

Прежде всего она разобралась с посудой. Прежний хозяин любил красивую жизнь, и после него остались пусть и немного старомодные, но добротные сервизы лиможского фарфора, ожидающие своего часа в коробках на чердаке. Затем Маша подготовила к приезду Яна и Есении спальню, закупив новые матрасы, подушки, лампы и постельное белье. После чего озадачилась уже ванными — хозяйскими, гостевыми и теми, которыми будет пользоваться персонал. В доме были перебои с электричеством, Маша вызвала электриков и одновременно закупила несколько сотен свечей. Сложно было предугадать, какая мысль придет в голову ее эксцентричному хозяину. Вполне возможно, что в старом особняке он захочет устраивать ужины и приемы при свечах.

И хотя Есения доверяла Маше на все сто, она все равно несколько раз перезвонила ей и отправила сообщения, чтобы снова и снова убедиться, что в доме все в порядке. Что садом уже начали заниматься, что Светлана приготовила божественный обед к их приезду, а белое полусухое охлаждается в холодильнике.

Несмотря на то что все было под железным Машинным контролем, Есения отчаянно боялась, что с недавнего времени равномерно идущий поезд их налаженного быта вдруг сойдет с рельсов и хрупкий баланс нарушится, вновь погрузив их в кошмар. Поэтому остаток пути прошел в тревогах и муках. Она не замечала красот природы, широкой ленивой реки, все еще зеленых лугов и густых лесов, встретившихся им. По слухам, здесь обитали уникальные виды птиц, включая зимородка, поэтому зона считалась заповедной. Но Есенин сейчас было не до зимородков. Все мысли были о том, что их ожидает в новом доме.

Вблизи особняк выглядел еще более монументальным и напоминал заброшенный санаторий для партийной элиты. Обнесенный глухим трехметровым забором, он позволял случайному прохожему (вздумай какой смельчак пройти мимо) увидеть только крошечную часть сада и фрагмент фасада.

Они бросили машину на улице и отпустили водителя — временно в его услугах не было необходимости. Ян собирался большую часть времени проводить в доме и работать, к тому же после своей последней выходки он был лишен водительских прав. Поэтому для экстренных случаев роль водителя на себя могла взять Есения.

Припарковав машину, водитель поспешил отчалить — стоящий на холме в полном уединении старый особняк произвел на него гнетущее впечат-

ление, и водитель был счастлив, что хозяева не потребовали от него остаться. В доме они собирались прожить минимум до конца года, продумать план его реставрации и уже после всех зимних праздников вернуться в город. Это означало, что у него было полгода отдыха от хозяев, чему водитель был несказанно рад.

Распрощавшись с ним, Есения и Ян взяли за руки и подошли к ажурной металлической калитке, ведущей в сад. Быстро переглянулись и, чувствуя себя персонажами детской сказки, ступили на аллею, вымощенную камнем. Та, петляя, вилась через запущенный сад и вела к центральному входу в дом.

Тишину разрывало лишь птичье многоголосье. Есени, городской жительнице, казалось, что птицы поют лишь по утрам и вечерам, когда смолкает деятельность человека и природа берет свое. Но, видимо, местные птицы были не в курсе часов для пения и заливались как сумасшедшие, создавая громогласной какофонией отличный саундтрек для знакомства с новым домом.

Солнце тщетно пыталось пробиться сквозь резную тень вековых дубов, обрамлявших аллею, ведущую к дому. Есения была слегка удивлена — она ожидала увидеть французский сад — строгий, лаконичный — под стать дому, но, казалось, местные садовники решили нарушить все правила ландшафтного приличия и центральную аллею засадили дубами из народных сказок.

Справа за дубовой аллеей виднелась порядком запущенная лужайка, которую Петр Алексеевич уже успел выкосить и сейчас боролся с одичавшими розовыми кустами, обрамлявшими лужайку по кругу и в солнечное утро наверняка благоухавшими. Посередине лужайки стояла успевшая покрыться мхом статуя женщины в древнегреческой одежде. Есении неожиданно захотелось бросить Яна и отправиться на исследование сада — растения всегда притягивали и интересовали ее. Кажется, в саду еще было озеро, возможно с кувшинками. Ей хотелось бы на него взглянуть. Но Ян наверняка этого не одобрит. Он считал, что сад — это занятие для садовников. А они с Есенией должны наслаждаться их трудами. Впрочем, к ухоженной природе муж был весьма расположен, именно поэтому при каждом из их домов был садовник, который о ней заботился.

Взяв Яна покрепче за руку, Есения проследовала с ним по аллее и замерла, скованная неожиданно обуявшим ее ужасом при виде особняка, открывшегося ей во всей красе: огромный давящий фасад с двумя колоннами из серого гранита, поддерживавшими нависающую над входом крышу. Дом был словно облачен в потерявшее свежесть оливковое пальто, местами потемневшее, покрывшееся пятнами и трещинами, отчаянно нуждающееся в реставрации. Есении вдруг подумалось, что дом похож на стареющую прелестницу, некогда блиставшую

в свете и бывшую его несомненным украшением. Она все еще хранит былое величие, но следы времени уже начинают брать свое. Солнце, дожди и реющий над холмом ветер с реки внесли свою лепту. Особняк был похож на все аристократические замки прошлого столетия, которые ленивое солнце выстирало и бросило на потеху бушующим стихиям.

Несколько гранитных ступенек вели к массивной деревянной двери. Все еще не решаясь ступить на них, Есения окинула особняк взглядом — слева и справа от входа огромные окна, высотой в два этажа. Закрыты потрескавшимися, выгоревшими на солнце ставнями, некогда покрашенными в зеленый цвет. За ними, вероятно, находятся бальные залы или что-то в этом роде, ведь прежний владелец был состоятельным человеком, влюбленным в историю, и наверняка представлял, как будет проводить в особняке великосветские приемы, тщетно пытаясь вернуть невозвратное.

Дом построил еще до революции дед владельца — один из богатейших людей Российской империи — Николай Второв. По слухам, это был подарок любимой жене. Софья Второва провела детство в этих местах, и влюбленный муж выкупил всю деревню, назвал ее в честь супруги Софиевкой, а на холме, возвышающемся над поселением, отгрохал огромный особняк, для строительства которого пригласил французского архитектора. В дальнейшем поместье

служило супругам местом летнего отдыха. Ведь природа здесь была волшебная. Местную реку облюбовали зимородки, а у этих крошечных красавцев очень строгие требования к местам обитания. Зимородки живут только возле водоемов с чистой проточной водой — не мелких и не глубоких, где есть обрывы и нетронутые заросшие берега. Легко было представить молодых влюбленных супругов, выходящих на балкон своего роскошного дома и наблюдающих за птицами. Покой и безмятежность были разлиты здесь на километры вокруг. Жизнь словно замирала и очень сильно отличалась от сумасшедшего ритма бурлящего начала двадцатого столетия.

Впрочем, наслаждались Николай и Софья красивейшими местами недолго. Грянула революция, Николай Второв трагически погиб, собственность его была национализирована, но, к счастью, не уничтожена, а сохранена рачительным председателем местного колхоза и превращена вначале в Дом культуры, а затем в элитный санаторий.

В мутные девяностые, когда колхоз медленно загибался без молодежи, массово рванувшей в город, в затерянную в веках перемен Софиевку явился внук Николая Второва, названный в честь деда — Николя.

Выросший во Франции, куда подался в эмиграцию его отец, и плохо говорящий по-русски, месье Торо тем не менее сумел договориться с нужными людьми и получить семейное гнездо в единоличное пользование.

Во Франции месье Торо сумел сколотить впечатляющее состояние в сахарной промышленности. Он не скупился на ремонт особняка, дотошно следуя фотографиям из семейного архива и многочисленным дневникам, оставленным бабушкой и отцом. Но жить в нем он так и не стал. Оказалось, что божоле нуво и свежие круассаны, а также вид на Эйфелеву башню прописаны в его генетическом коде куда более глубоко, чем зов предков, родные березки и зимородки.

Спустя пару лет владелец отбыл во Францию, а дом принялся ветшать и постепенно разрушаться. Месье Торо нанял местного хранителя, чтобы предотвратить вандализм на время своего отсутствия. Как дань уважения предкам он планировал наведываться сюда периодически со своими детьми и внуками. Но вскоре он тяжело заболел и, будучи большим поклонником творчества Яна и посетив все его представления во Франции и окрестных странах, решил завещать отечественную недвижимость своему кумиру. Прекрасно понимая, что состоятельный Ян сможет позаботиться о наследстве почившего дедушки куда лучше, чем его французские отпрыски.

По словам врачей, Ян, недавно прошедший очередной курс реабилитации, отчаянно нуждался в смене обстановки. Именно поэтому решение о вступлении в наследство было принято так быстро. Ян, вдохновленный приближающимися пере-

менами, казалось, снова вернулся к жизни, а Есения вместо радости сжималась от ужаса — что готовит ей будущее? Впрочем, ей самой были непонятны эти страхи. Разве может с ней произойти что-то более ужасное, чем то, что уже произошло?

Ветер

Голова была тяжелой. Он в очередной раз проклинал себя за то, что вчера пошел на поводу у Тины и выпил слишком много. Хотя, кажется, у них был повод. Какой именно, вспомнить он сейчас не мог.

Сознание возвращалось вместе с ноющей головной болью, пульсирующей в такт резким звукам. Даже шум льющейся воды и радостное пение Тины, доносившееся из душа, действовали раздражающе, хотя обычно ему нравилось слушать ее мурлыканье по утрам, оно умиротворяло. Но не настолько, чтобы сделать его неотъемлемой частью своей жизни.

Ветер пошарил рукой по тумбочке в тщетной попытке обнаружить телефон. Тот нашелся сам — упав на пол от неловкого движения владельца и возвестив о своем существовании громким «бум».

— Черт, — буркнул Ветер и рывком сел.

Он не любил разлеживаться в постели, всегда быстро просыпался, вскакивал, переключался с одного действия на другое и уносился вдаль, соответствуя своему прозвищу.

Подняв телефон с пола и в сотый раз пообещав себе купить защитный чехол, Ветер увидел, сколько сейчас времени, и принялся оглядываться в поисках одежды. Та, как всегда, нашлась в совершенно неподходящих местах — вспомнить бы, что именно они вчера делали с Тиной, в результате чего его джинсы нашлись на ручке двери, ведущей в ванную, — а вот футболка отыскалась почему-то за мягким креслом, стоящим в углу уютной спальни. Один носок лежал возле входа в комнату (он что, раздеваться начал с носков?), но второй так и не обнаружился.

— Ты куда это? — Тина появилась на пороге бесшумно, завернутая в полотенце, с мокрыми волосами и блестящей от воды кожей. Аппетитная, манящая. Желание плескалось через край.

— В магазин опаздываю, — натягивая футболку шиворот-навыворот, замечая это и тут же стягивая ее, отрапортовал Ветер.

— В душ сходи хотя бы, — фыркнула Тина и одним движением сбросила влажное полотенце на пол. — Или давай вместе сходим.

Ей отчаянно не хотелось, чтобы Ветер улетал. В одно мгновение тоска стала острой и ужалила где-то в области сердца. Вот бы он задержался, пускай на час, да хотя бы на пять минут. Возможно, боль отпустит и станет легче дышать?

Но Ветер лишь качал головой и старался не смотреть на крепко сбитое тело Тины, которое знал слишком хорошо еще со школьных времен.

— Не могу, надо магазин открывать! — Отчаявшись отыскать второй носок, он подошел к Тине, чмокнул ее куда-то в макушку и сам поморщился от собственного несвежего дыхания. — Я только зубы почищу, душ дома приму.

Отодвинув верную подругу от двери, Ветер выскользнул в коридор и просочился в девичью розовую ванную, пахнущую чем-то приторно-сладким. Схватил свою зубную щетку (ее купила сама Тина в очередном приступе тщетной надежды, что когда-нибудь он станет пользоваться этой щеткой регулярно).

С отвращением глянув на себя в зеркало, Ветер принялся энергично чистить зубы, а Тина, нагая, зашла вслед за ним, обняла, прижавшись всем телом и тихонько, по-бабски, подвывая, спросила, уже предчувствуя ответ:

— На ужин сегодня придешь?

Ветер плеснул в лицо холодной водой. Схватил первое попавшееся под руку полотенце, растер лицо и, не глядя, пристроил полотенце на место.

— Прости, не могу. — Он снова чмокнул Тину, но в этот раз в щеку, немного смазав поцелуй, потому что она подставила губы, а ему действительно нужно было бежать. И спустя несколько секунд будто растворился в воздухе, словно легкий порыв, дуновение. Тина схватила полотенце, все еще хранящее его запах, уткнулась в него лицом и горько разрыдалась.

Есения

В старом доме все звуки были обострены до предела. Несмотря на высокие потолки и толстые стены, казалось, что где-то в соседних помещениях живут люди. Дышат, перешептываются, спорят, танцуют и даже поют. Иногда до Есении доносились отголоски этой тайной жизни, и она каждый раз вздрагивала, отчаянно пытаясь отыскать для себя логическое объяснение. Это просто сквозняк, старая дверь, расшатавшаяся рама. В доме только они с мужем и Светлана с Машей. Но те приучены работать молча.

За несколько часов Есения успела осмотреть только основные комнаты на двух этажах и никак не могла сложить впечатление, нравится ли ей в доме или нет. В ходе осмотра выяснилось, что особняк пострадал от пожара (этот факт нотариус, занимавшийся вопросами наследства, отчего-то забыл упомянуть). Видимо, в холодную пору бездомные, в отсутствие хранителя, захотели тут перезимовать, замерзли и решили согреться, устроив костер в одной из комнат и раскопегарив его с помощью антикварной мебели.

В некоторых комнатах следы пожарища были кем-то ликвидированы, вероятно хранителем. Обгоревшие стены замазаны шпатлевкой или наспех побелены, кое-где просто содраны обои, словно кожа, и образовавшиеся прорехи в стенах, казалось, молили о ремонте.

От просмотра всех комнат (она сбилась со счета, сколько их в доме), чердака и винного погреба Есения временно отказалась. Куда торопиться? Увиденного более чем достаточно. В доме ей еще предстоит провести много времени.

Отчего-то захотелось растянуть это знакомство на как можно дольше. В некоторых комнатах она увидела роспись на стенах — возможно, ей удастся уговорить Яна дать ей возможность самой восстановить ее? В детстве ей нравилось рисовать цветы, но со временем она забросила это увлечение. Со всеми заботами о Яне времени на себя ей не оставалось, да и не нужно было ей это время. Рисование — так, баловство. Способ развлечься в свободное от служения гению время.

Есенин сразу же стало понятно, что для большей части работ им понадобится помощь специалистов. Нужно будет встречаться с дизайнерами и архитекторами. Подготовить план, утвердить его с Яном, а уже после того, как он его одобрит, они уедут, а в дом заедут прорабы и строители. О том, чтобы жить в особняке во время ремонта, речь даже не шла. Яну нужен был полный покой и уединение.

...Вернувшись на первый этаж, Есения остановилась перед входной дверью. Как она изначально и предполагала, справа и слева от центрального входа расположились просторные залы, отделанные с настоящим французским шиком. Николай Второв, да и его наследник были людьми состоятельными и на свои капризы денег не жалели.

Комнаты на диво хорошо сохранились, налет патины лишь придал им благородства, создавал своеобразный шик. Полы были выложены наборным медовым паркетом, излучавшим тепло в лучах дневного солнца. Некогда белые стены со временем немного посерели. Высокие потолки украшены благородной лепниной — умеренной и не переступившей тонкую грань между изысканной красотой и китчем.

Одна из зал действительно была бальной, и — даже обладая скудным воображением — легко было представить, как сто с лишним лет назад здесь порхали дамы в вечерних туалетах, мерцали бриллианты в свете сотен свечей, а галантные кавалеры осыпали красавиц комплиментами и купались в любви, готовые в любой момент бросить перчатку тому, кто посмеет ее оспорить. Воздух словно искрил и напоминал пузырьки шампанского. Голова кружилась от чувств и предвкушения грядущей тайной радости.

Сейчас же огромное помещение с монструозной хрустальной люстрой, свисающей с потолка на толстой цепи и давящей своим великолепием, занимал рояль Яна, который, разумеется, прибыл в дом еще до приезда хозяина. Вокруг него в строгом порядке были расставлены легкие деревянные стулья. Можно было не сомневаться, что все местные князьки уже в курсе приезда новых владельцев особняка и вскоре сюда потянется тоненький ручеек из посетителей, который со временем превратится в бур-

ную реку. Так было и будет всегда. Таким людям, как Ян, невозможно долго держать свое присутствие в тайне. Если уж Господь зажег в тебе свет, будь добр, делись им с окружающими.

Есения вздохнула — самое главное, что концертный зал у них есть. Акустика, с такими потолками и стенами, наверняка великолепная. Ян будет доволен.

По ее просьбе Петр Алексеевич открыл огромные ставни, а Нина Сергеевна, скромная женщина средних лет, скользящая тенью и лишь кивнувшая в ответ на ее приветствие, тут же принялась орудовать мокрой тряпкой и газетой, оттирая в очередной раз стекла до скрипа. Маша пообещала, что вскоре купит легкие шторы и портьеры и ставни им больше не понадобятся.

Есенин безумно понравились огромные окна в пол, из которых можно было шагнуть на террасу, выходящую в сад. И впервые с момента, как она увидела особняк, Есения почувствовала нечто похожее на радость. Ей вдруг захотелось, чтобы в ее жизни было все иначе. Исчезли эти дурацкие ролевые игры в прислугу и хозяев, субординация. Чтобы в ее доме появились люди, которые ей по-настоящему дороги, которых она может назвать своими друзьями. И чтобы здесь был хоть кто-нибудь, кто будет к ней хорошо относиться.

— Меня зовут Есения, — неожиданно обратилась она к Нине Сергеевне, заметив, что та украдкой

бросила на нее взгляд. — Если вам что-нибудь понадобится, вы можете попросить у Маши или у меня.

Обратилась и тут же себя обругала. Ведь Маша предупредила ее, что Нина Сергеевна глухонемая. Женщина вздрогнула и, сделав неловкий шаг, задела ведро с водой и моющим средством, которым оттирала окна. Ведро опрокинулось, и жидкость выплеснулась на пол.

— Что же вы наделали! — охнула Мария. — Средство может испортить паркет. Осторожнее нужно!

Это было обращение в никуда, ведь Нина Сергеевна все равно ее не слышала, но недовольство на лице Маши наверняка распознала. Ведь та, бросив последнюю фразу недовольным тоном, быстрым шагом направилась к выходу в поисках средств, которыми можно было бы ликвидировать катастрофу.

Есения подняла глаза и уставилась на Нину Сергеевну, готовую вот-вот заплакать. Есении стало отчаянно жаль женщину, и она настолько растерялась, что даже не сообразила, что в этом доме она хозяйка и может предотвратить любые неприятности Нины Сергеевны.

— Какая же я неуклюжая, не расстраивайтесь, вы ни в чем не виноваты, это все из-за меня.

Есения закусила губу и принялась оглядываться вокруг. Не найдя ничего подходящего, чем можно было бы вытереть с пола воду с моющим средством, способным испортить драгоценный паркет, она стянула с себя шерстяную кофту, в которую куталась

с момента приезда в дом, и бросила ее на пол. Мягкая ткань сразу же впитала в себя большую часть жидкости. Есения не сдержалась и порывисто коснулась руки Нины Сергеевны:

— Все в порядке, не переживайте, ничего с этим дурацким паркетом не случится. А Маше я скажу, чтобы она вас не ругала.

Женщина на мгновение замерла, затем открыла рот, словно пытаясь что-то сказать, но, вспомнив о том, что слова ей неподвластны, лишь порывисто обняла Есению. А та от неожиданности обняла женщину в ответ, но тут же отпрянула, услышав громкий звук шагов возвращающейся Маши. Нина Сергеевна торопливо шагнула в сторону, и они обе сделали вид, что мимолетного объятия не было. Дурацкая субординация не оставляла места для теплых и душевных человеческих отношений.

Маша держала в руках пачку бумажных полотенец.

— Все в порядке, мы уже все исправили, — улыбнулась ей Есения.

Маша перевела взгляд на кофту и нахмурилась.

— Ну что вы, зачем?..

— Я все равно эту кофту не люблю, ты же знаешь. И ничего с ней не случится. Нина Сергеевна не виновата, это моя вина, я ее напугала.

— Да, конечно, — задумчиво кивнула Маша и, осторожно подняв с пола кофту Есенин, отжала ее в ведро. — Я отдам в химчистку.

— Можешь ее выбросить. Инцидент исчерпан. Еще раз извините. — Есения улыбнулась Нине Сергеевне и, кивнув на прощание, продолжила свою экскурсию по дому.

Она перешла в соседний зал, который покойный месть Торо назначил столовой, разместив в нем огромный стол, персон на тридцать, и увешав обитые мореным дубом стены портретами то ли родственников, то ли близких ему по духу персонажей. Есения не опознала ни единого, хотя один из портретов привлек ее внимание. На нем был изображен мужчина лет пятидесяти. Короткие седые волосы, пышные усы. Он сидел в три четверти оборота. Художнику удалось передать умный, тяжелый, волевой взгляд, которым мужчина сурово взирал на окружавшую его последние сто лет действительность, и, судя по выражению лица, она его совсем не радовала. Глубоко посаженные глаза смотрели сурово, нависающие брови хмурились. Во всем облике сквозит уверенность в себе. Есения подошла ближе и прочла подпись. «Второв Н. А.». А вот и дедушка последнего владельца, бывший хозяин особняка. Пожалуй, его портрет стоит сохранить как дань уважения. Но что делать с остальными?

На секунду она задумалась — возможно, стоит снять эти картины и заменить другими? В их запасниках хранилось великое множество полотен. На дни рождения Яну регулярно дарили картины. Многие были весьма недурственны. К тому же в наслед-

ство Яну осталась коллекция покойного отца. Но Есения решила, что картинами она займется позже, когда оценит степень влажности и освещенности в помещениях, для чего придется вызвать музейных работников. Ведь дорогие полотна нуждаются в особом режиме хранения.

Убедившись в том, что стол накрыт белоснежной скатертью и посуда на нем уже расставлена к обеду, Есения задумалась над тем, что же ей делать дальше?

Возможно, им стоит как-то отпраздновать переезд? Вдвоем с Яном. Воспользоваться краткой паузой и тем, что пока еще никто их здесь в лицо не знает, и пойти, например, в кино? Мысль тут же захватила Есению. Как же давно она не была в кино! Да, они непременно должны отправиться с Яном на сеанс.

Одна мысль о том, что они, как когда-то давно, взявшись за руки, будут сидеть в кинотеатре на последнем ряду, привела ее в неописуемый восторг. Возможно, это по-детски наивно. Она давно должна отойти от всего этого примитива и повзрослеть, как говорил отец. Но у нее никак не получалось. Она не была такой, как они. И в конце концов, может она хотя бы раз в несколько лет позволить себе простые радости?

Воодушевленная собственной идеей, она вначале быстро направилась к выходу, решив взять машину и съездить за билетами, но увидела Машу, вышедшую из столовой в холл и придиричиво оцениваю-

щую издалека работу Нины Сергеевны. На взгляд Есении, окна были вымыты идеально. Птицы могут не заметить и врезаться. Но перфекционистка Маша все равно нашла к чему придрататься, вернулась в столовую и жестами попросила Нину Сергеевну исправить недочеты.

Стараясь незаметно просочиться мимо домоправительницы, Есения подошла к входной двери, тихонько открыла ее, но споткнулась о высокий порожек, который не заметила, и чуть не грохнулась. Две пары внимательных глаз немедленно уставились на нее. Черт, роль хозяйки большого поместья ей никак не дается.

Не желая ударить в грязь лицом перед персоналом, Есения коротко попросила Машу купить им с Яном два билета на завтрашний сеанс. И, сделав вид, что страшно занята, развернулась и пустилась в очередной обход дома. Ей хотелось остаться в нем одной. Почувствовать огромный особняк и подружиться с ним. Но это было невозможно. Есения уже и не помнила, когда позволяла себе роскошь остаться в одиночестве, и даже смирилась, что вряд ли у нее когда-нибудь будет такая возможность. Хотя в глубине души все протестовало против такого положения вещей.

Пройдя еще раз по тем комнатам, которые она уже успела изучить, Есения сделала вывод, что дом ей нравится. Изнутри он выглядел более привлекательно, чем снаружи. Казался уязвимым, прячущим

свою слабость за внешней неприступностью, и Есенин показалось, что они смогут найти общий язык.

Она еще полчаса послонялась по дому, чувствуя себя бесполезной. Попросила закрыть окна в столовой и концертном зале, почувствовав, как воздух становится слишком свежим. Убедилась в том, что ее просьба выполнена, после чего зашла в комнату, которую Маша выделила им с Яном под временную спальню. Решение о том, где будут жить постоянно, они примут после того, как полностью осмотрят дом и выберут себе подходящую комнату.

Встав на пороге, Есения огляделась по сторонам. Затем, сбросив обувь и пройдя по теплому шершавому полу, подошла к окну и выглянула в сад, где корпел над каким-то цветком Петр Алексеевич, высвобождая его из цепких объятий дикой ежевики. Завидев хозяйку, он лишь кивнул ей и снова нырнул в буйные заросли. Видимо, уже проинструктирован, что лучшее, что он может сделать, — это просто не попадаться никому на глаза.

Ян не терпел посторонних звуков в доме, а Есения всегда делала все, как он велел. Ей по-прежнему остро хотелось осмотреть сад, открыть его сокровища, но присутствие Петра Алексеевича смущало. Потом, возможно, вечером, когда садовник уйдет отдыхать.

Она окинула взглядом комнату — белые деревянные панели на стенах, роскошная хрустальная люстра, под стать той, что висит в концертном зале,

только размером поменьше. Видимо, до люстр зимовавшие в доме вандалы не дотянулись. Ограничились столовым серебром, мебелью, настольными лампами, постельным бельем и коврами.

Камин с сохранившимся мраморным облачением, над ним старинное зеркало (хозяин в письме, отправленном Яну вместе с копией завещания, рассказал, что все предметы интерьера закупались им лично на европейском рынке антиквариата, являлись подлинными и раньше украшали дворцы европейской знати). Впрочем, мог бы и не писать. Наметанному глазу легко отличить такие предметы от новодела. Есении всегда нравились вещи с историей. Возможно, потому что собственной у нее не было.

По обеим сторонам от зеркала красовались два замысловатых бра. Подойдя к одному из них, Есения дернула за тонкий шнурок — свет зажегся. Она тут же его потушила и обернулась к кровати, заботливо укрытой шелковым покрывалом цвета неба перед грозой. Даже не заглядывая под него, Есения знала, что постельное белье тоже шелковое, потому что летом Ян предпочитает только его. Стена за замысловатым изголовьем выкрашена свежей краской сливочного оттенка — наверняка Маша постаралась. Вскоре здесь появится картина, а возле кровати две тумбочки. На одной, справа, будет стоять графин с прохладной водой и хрустальный стакан, а также лежать книга Яна. Из тех, что модно иметь в доме,

но невозможно читать. С ее же стороны кровати, слева, на тумбочке будет стоять обычный граненый стакан с одним-единственным цветком.

Есения подошла к высокому массивному шкафу, украшенному затейливой деревянной резьбой, и, распахнув его, уставилась в пустое нутро, обругав себя за невнимательность. Совсем забыла, что грузовик с вещами следовал за ними, но по пути шофер вначале пробил колесо, а затем умудрился попасть в небольшую аварию, что порядком задержало его в пути.

Транспортная компания обещала доставить все вещи завтра рано утром, но сегодня Есении не во что было переодеться. Придется выйти к обеду как была, в джинсах и блузке, и напороться на гнев Яна. Он не любит, когда жена одевается как подросток.

Есения поехала — может, сказать больно? Нет, тоже не лучшая идея. Возможно, в честь переезда Ян будет менее придирчив? Стремление к идеальности и правильности во всем передалось ему от отца. Тот тоже всегда требовал от членов семьи переодеться к столу. Считая, что парадная одежда во время приема пищи делает человека человеком и значительно улучшает его манеры.

Неожиданно дверь комнаты резко хлопнула, замок щелкнул. Есения даже испугалась — а что, если она окажется заперта? Быстро подойдя к двери, она нажала на ручку и выдохнула с облегчением — дверь мягко открылась. Что с ней? Это ведь просто сквоз-

няк. Хотя откуда здесь сквозняк? Ведь она же лично попросила закрыть все окна. Есения решила было снова прогуляться в столовую и концертный зал, чтобы убедиться, что ее просьбу не нарушили, но ее взгляд внезапно упал на клочок бумаги, лежащий на полу. Надо же, неизвестно откуда взявшийся ветер даже принес сюда мусор. В том, что бумаги до этого на полу не было, Есения была уверена. Она, всегда внимательная к деталям, непременно бы его заметила.

Машинально наклонившись и подхватив бумажку, чтобы выбросить при случае, Есения заметила на ней какой-то текст. Поднесла к глазам и замерла. На мятом листке, судя по всему, вырванном из видавшего виды блокнота, большими печатными буквами коряво было написано: «Уезжайте отсюда».

Есении даже пришлось несколько раз перечитать, пока смысл дошел до нее.

Что за идиотские шутки? Хотя, возможно, это просто что-то из документов предыдущих хозяев. Не придав особого значения находке, Есения машинально сунула ее в карман и остановилась, не зная, что ей делать дальше. Возможно, стоит найти мужа и узнать, как у него дела?

С того момента, как они прибыли, Ян в одиночестве отправился на осмотр особняка, и она его больше не видела. Сердце кольнула тревога, но Есения поспешила себя успокоить. Все в порядке, он просто блуждает в огромном доме. Изнутри особняк гораздо больше, чем кажется снаружи, а в Яне все

еще живет мальчишка-первооткрыватель. Есения не хотела ему мешать. Лучше устранить источник сквозняка. Холод она ненавидела всей душой и старалась купировать при малейших проявлениях.

Выйдя из комнаты, она снова направилась в столовую и уставилась на огромное французское окно, ведущее в сад. Оно было широко распахнуто. Есения нахмурилась. Она прекрасно помнила, как при ней Нина Сергеевна закрыла окно на все замки.

Есения подошла к окну и снова закрыла его, удостоверившись в том, что в этот раз язычок старомодного замка точно вошел в паз. Возможно, причина маленького происшествия крылась в том, что Нина Сергеевна не до конца повернула механизм. Рамы выглядели потрепанными жарой и холодом, а также долгим отсутствием надлежащего ухода. Есения вздохнула — немудрено, что замок просто разболтался.

Справившись с окном, она посмотрела на часы, показывавшие уже половину второго. Обычно Ян всегда выходил к обеду в час дня, так было заведено в их семье. Строгого распорядка придерживался отец, а мать делала все возможное, чтобы ничто не нарушало рутину гения.

Обед в тринадцать ноль-ноль был столь же нерушим, как королевские традиции. Чтобы ни случилось, они всегда обедали ровно в час дня. Сердце екнуло. Существовала лишь одна причина, по которой Ян мог нарушить заведенный распорядок.

Вдохнув побольше воздуха и пытаясь успокоиться, Есения отступила от окна, повернулась, намереваясь идти на поиски мужа, как вдруг услышала шорох за спиной. Остановилась и прислушалась. Резко развернувшись, чтобы посмотреть в лицо собственным страхам, тут же с облегчением рассмеялась — просто на улице пошел дождь. Приглушенный закрытыми окнами, шум падающей воды превратился в призрачный шепот. Август подходил к концу. Дожди будут идти все чаще, а ей нужно что-то делать с нервами, если так вздрагивать от каждого шороха, то можно и в паранойю скатиться.

Решительным шагом Есения вышла из комнаты и направилась было на поиски мужа, как вдруг услышала звуки рояля, льющие откуда-то сверху. Она остановилась посреди большого холла, выложенного натуральным камнем цвета морского песка, из которого, изгибаясь спиралью, изящная мраморная лестница вела из холла на второй этаж.

Есения прислушалась — Ян наверху? Играет на рояле? Ну, конечно, а она уже придумала себе бог знает что. Его просто поглотила работа! Выдохнув от облегчения и радости, Есения встала на первую ступень лестницы и сделала несколько шагов, прежде чем осознала, что наверху нет рояля. Он стоит внизу, в концертном зале.

Словно вспугнутая дождем птица, она взлетела по лестнице, цепляясь хрупкими руками за изогнутые холодные витки мраморных перил. Ледяная

пустота начала заполнять вены и обжигающим холодом вымарывать все внутри.

Есения не помнила, как промчалась по коридору крыла, в котором так и не успела побывать и откуда сейчас доносилась музыка. Как миновала многочисленные комнаты. Как краем сознания отметила стены в трещинах, старую мебель и следы пожара. Кажется, это крыло пострадало больше всего. Впрочем, сейчас это было не важно. Все это абсолютно ее не волновало. Важным было лишь одно.

Она со стуком распахнула дверь комнаты в торце коридора и словно провалилась в один из своих кошмаров. Обугленные стены грозили обрушиться в любой момент. Местами уцелевшие обои, некогда светло-голубые в изящную белую полоску, а сейчас грязные, прокопченные, словно кто-то долго держал их над очагом с дымящимися углями. Они кусками отпадали от стен и в своих заламах и вмятинах хранили скопища гари и пыли. Деревянные панели практически полностью уничтожены огнем. Провалившийся потолок, в огромном зияющем отверстии видно крышу, заливаемую дождем. Часть влаги попадает и в комнату. Посреди разрухи, в самом центре, кровать с железным панцирем, на которой лежит Ян, закатив глаза к потолку. На губах блаженная улыбка, рядом телефон, играющий на повторе отрывок из написанной им некогда рок-оперы. Она была хитом позапрошлого лета и звучала на всех мировых площадках.

Он так и не снял резиновый жгут с руки. Железная погнутая ложка (и где только взял?) с остатками порошка валялась на полу рядом со свечой, которую он не удосужился загасить, рискуя спалить весь дом и отправить на небо всех его обитателей. Впрочем, на небо ли?

Есения застыла, словно ее парализовало. В своем воображении она кидалась на Яна. Схватив его за грудки, стаскивала с кровати. Орала, словно дикая кошка, и хлестала мужа по щекам. До первой крови. За то, что опять нарушил обещание. За то, что не продержался и недели. За то, что увлекает на дно себя и ее заодно. Ведь куда он, туда и она.

Она хотела крикнуть, но голосовые связки сковало лютым холодом. Он снова вернулся. Несмотря на августовскую духоту, Есению начала бить крупная дрожь. Словно она вновь очутилась под толщей снега, давившего и забиравшего остатки кислорода из легких. Если она не выберется, то снова умрет, как умерла тогда.

Автоматически отмечая, что ей нужно погасить свечу, но не делая этого, Есения медленно развернулась и вышла из комнаты в коридор. Сумела сделать краткий вдох, отозвавшийся болью в легких. На негнущихся ногах дошаркала до лестницы. Чем дальше Есения отходила от комнаты, тем легче ей становилось дышать. Тем быстрее становились ее движения.

По лестнице она скатилась кубарем. Миновав холл, промчалась птицей ко входной двери и, вы-

скочив на порог, осознала, что дождь падает сплошной стеной, за которой ничего не видно. Словно земля укуталась в серое пальто из ливня, отрезав людей друг от друга. Сохранив в зоне видимости лишь самых близких, которые сидят рядом у очага и держат друг друга за руки. А все остальные остались где-то там, за горизонтом, чужаки друг другу. Бродят в одиночестве в сером тумане и сходят с ума. И она среди них. Потому что ее место не возле камина за руку с любимым человеком. Нет у нее ни камина, ни любимого. Вокруг нее сплошное одиночество, на которое ее обрекли с самого рождения. Она пыталась это изменить, но ничего не вышло.

Шагнув назад, в дом, Есения остановилась. Нет, здесь она не сможет дышать, задохнется. Перед глазами всплыли Ян и горящая рядом с ним свеча. Одно неверное движение, и, может быть, вот оно, решение, которое будет лучшим для всех? Ведь доктор сказал ей, что с каждым разом Яна все тяжелее вытаскивать из его «приступов», как он деликатно сформулировал. Они становятся все более длительными и затяжными. В последний раз у них ушло почти два месяца на реабилитацию. Доктор тогда настоятельно рекомендовал уехать, сменить обстановку, выдернуть мужа из зоны комфорта. За округлыми формулировками Есения легко различила то, что интеллигентный врач из жалости к ней не говорил прямо — увезите мужа от его поставщиков. Чем дальше вы с ним уедете, тем меньше шансов у него будет раздобыть

новую дозу. Именно поэтому она и согласилась на эту безумную авантюру — переезд в незнакомый дом в уединенной местности. Но все пустое. Ян умудрился взять запас наркотиков с собой.

Глубоко вдохнув и задержав дыхание, Есения снова ринулась в обгоревшую комнату. Загасила свечу — Ян даже не заметил ее появления, продолжая слушать собственное творение с блаженной улыбкой на губах. Есения забрала ложку, развязала жгут и, не оборачиваясь, вышла из комнаты. Снова проделала путь к входной двери. Схватив с вешалки Машин дождевик, села на старый велосипед, забытый кем-то возле порога — откуда только взялся? — и растворилась в серой дождливой мгле.

Она понимала, что вся вымокнет и на незнакомой дороге велики шансы оказаться или сбитой неосторожным водителем, или свалиться в канаву. Но, может, это даже к лучшему. Она не сможет дать Яну уйти, будет бороться до последнего, хотя сама понимает всю тщетность и бесперспективность своих попыток. Так, может быть, лучше уйти самой?

Велосипед трясло на колдобинах дороги, покрытой щебенкой, но ехать было легко — он сам катился с горки, и с опозданием Есения осознала, что сейчас просто скатится с холма куда-то в поселок. В таком виде появится перед людьми и даст им повод судачить. Впрочем, плевать.

Магазин вынырнул из дождя и тумана неожиданно. Она едва успела затормозить. Украшенный

яркими лампочками, он напоминал карусель, на которую она часто смотрела в детстве, стоя по ту сторону ограды, потому что мама все время твердила, что на пустые развлечения у них нет денег. Папа не дает. А уже после того, как все случилось, папа иногда водил ее на эту самую карусель, но она навсегда отпечаталась у нее в сознании как нечто далекое и недоступное. Сулящее неземное счастье и блаженство для кого-то другого, но только не для нее.

Украшенный табличками с забавными надписями и окруженный довольно безвкусными садовыми фигурками, магазин словно материализовался из другой реальности. Есения частенько видела такие в Европе, но в родной стране раньше никогда не встречала. На секунду показалось, что она перенеслась в другое измерение.

Есения остановилась, смахнула капли дождя с лица и несколько раз глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться. Ничего не получилось. Проклятый холод уже пробрался под дождевик, под тонкую одежду и белье и тянул щупальца к сердцу. Еще мгновение, и она умрет.

Мозг заметался в поисках решения — нужно срочно найти место, чтобы согреться, чтобы купировать приступ. Только бы он не начался прямо здесь и сейчас. Она была готова закричать от ужаса и, не отдавая себя отчета в том, что делает, ворвалась в магазин.

Ветер заканчивал раскладывать товар. Утренний поток посетителей иссяк, а в такой ливень новых не предвидится. Наверное, сегодня нужно закрыться пораньше. Да и запасы подошли к концу, пора пополнить. Оставалось всего две коробки с поздней малиной, которые он подумывал забрать себе на ужин. Мысль об ужине в одиночестве казалась заманчивой, ехать к Тине в такую погоду не хотелось, да и нагостился он у нее уже.

В магазине было тепло. Из-за дождя и резко сгустившегося сумрака Ветер включил свет — никогда не любил сумерки. Мягкий свет декоративных кованых фонарей, которыми он украсил помещение, создавал особый уют — пахло свежей выпечкой, и он сам кайфовал от того, какой райский уголок ему удалось создать. Все, кто попадал в магазин Ветра хотя бы один раз, долго про него помнили и при случае с удовольствием возвращались.

Когда-то на месте магазина был старый сарай, в который его отец ставил на зимовку трактора, складывал сено и зимние припасы. Пропахший машинным маслом и яблоками, Ветру он казался лучшим местом на земле. Сколько времени он провел в нем в детстве, играя в захватывающие игры, которые сам же и придумывал. А затем, в юности, пережил немало сладких минут, приводя на сеновал многочисленных подружек. После того как отец

отошел от дел, передав все ему, Ветер не стал сносить сарай. Обложил его снаружи кирпичом и оставил старые доски в качестве внутренней обшивки. Они были старше его самого и по-прежнему пахли зимними яблоками. Снес все внутренние перегородки. Часть пространства отвел под магазин, а часть под небольшое кафе, где собирались друзья и близкие (считай, весь поселок). Соорудил небольшую лесенку, ведущую из магазина на второй этаж. Огородил все перилами так, чтобы сидящие в кафе могли видеть тех, кто заходит в магазин, и обмениваться с ними приветствиями. На втором этаже он поставил несколько столов, стульев, а также диван и телевизор, создав самое уютное место на земле. Стены украсил табличками со старой рекламой шоколада и мыла, которые он всегда пытался отыскать во время поездок на отдых за границу.

Внизу, в магазине, мирно гудели большие холодильники с мясными и молочными продуктами, сыром, колбасами и паштетами. На каменном полу стояли старые винные бочки, на которых уместились лотки со свежими фруктами и овощами.

Ветер гордился своим магазином и был уверен — лучше в округе не найти. Он знал всех клиентов в лицо и по имени и частенько сам стоял за прилавком, хотя в этом не было особой необходимости — у него работали продавцы и имелся даже директор магазина. Но Ветер получал ни с чем не сравнимое

удовольствие от общения с людьми. Он их искренне любил.

Ему нравилось, что покупатели съезжаются к нему даже из области. Что ему звонят из лучших ресторанов, чтобы сделать крупные заказы на домашние продукты. А частенько в магазин заглядывают молодые симпатичные девушки, исповедующие новую органическую религию и фанатично ищущие то, чего не касались пестициды и гербициды. Большинство из них не могли противиться его чарам и с удовольствием принимали приглашение получить больше информации о том, как растет молодой картофель на его полях. Их было великое множество. Обычно Ветер предпочитал тех, у кого на пальце красовалось обручальное кольцо. С такими проблем куда меньше.

Тина все знала, но делала вид, что не замечает. Она понимала, что ветер невозможно удержать в клетке.

Он усмехнулся, вспомнив о Тине и ее ненавязчивом приглашении прийти на ужин сегодня вечером. Ну уж нет, его семья — это ферма и магазин. Он, наверное, здесь и умрет в одиночестве. А Тина может это принимать или нет. Разве может ветер дуть постоянно в одном направлении? Только ласково погладить, обнять, поцеловать и помчаться дальше, к новым вершинам. Улыбка так и застыла на его губах, когда колокольчик звякнул и в дверях появилась девушка.

Будь Ветер романтичнее и более литературно одарен, он бы описал ее как сотканную из дождливой серости и тумана. Призрачную. Не от мира сего. Волшебное существо в огромном желтом дождевике, укрывавшем ее почти полностью. Она казалась сказочной героиней, занесенной в их прозаичные края бушующим ураганом. Кажется, в детстве он про что-то такое читал.

Лицо девушки было бледным и мокрым. Наверное, его можно было бы назвать невыразительным, если бы не глаза. Огромные, серые, как дождь, и отчаянно несчастные. Ветер хотел встретить новую покупательницу дежурной веселой репликой, но слова застряли в гортани. Столько в этих глазах плескалось боли и отчаяния.

— Здравствуйте, — только и сумел выдавить он. А девушка, замершая на пороге, сделала шаг внутрь. Дверь за ее спиной закрылась с тихим щелчком, хотя обычно она всегда громко хлопала, внося радостное возбуждение в атмосферу магазина.

— Здравствуйте. — Голос был тихим, едва слышимым, но мелодичным. Словно кто-то там, на горе, позвонил в колокольчик.

Есения почувствовала, как тепло обволакивает ее, неожиданно стало даже жарко. Приступ и паника отступили, словно по щелчку, и она снова смогла нормально дышать.

Отвернувшись, чтобы избежать слишком пристального взгляда продавца, она начала рассеяно рассма-

тривать полки с домашними джемами и настойками, холодильники и их аппетитное содержимое. Спелые розовые помидоры — кажется, этот сорт называется «Бычье сердце»? В этом она была не сильна. Румяные яблоки, золотистые груши, задорные полосатые арбузы, чья красная сахарная мякоть была выставлена на обозрение всем желающим. Ароматные дыни.

Есения вдруг спохватилась — а есть ли у нее с собой деньги? Ведь она оставила и сумку, и кошелек в доме. Затем выдохнула — в кармане дождевика обнаружили несколько купюр, которые Маша, видимо, машинально сунула туда, принимая от нее деньги на хозяйство. Хватит на какую-нибудь мелочь. Взгляд остановился на малине. Ей отчаянно захотелось спелых ягод.

— Дайте, пожалуйста, малину. — Она обернулась к продавцу и вдруг поняла, что все это время тот не спускал с нее глаз.

Невысокий, весь какой-то угловатый, в легкой майке, открывающей сильные мускулистые руки. Его нельзя было назвать красавцем — лицо было несимметричным, рваная челка закрывала лоб, а изпод нее остро смотрели внимательные иссиня-черные глаза. Есения видела таких много раз — классический бабник. Вон как смотрит проверенным и многократно обкатанным взглядом. Наверняка большинство покупательниц не в силах устоять. Но Есению такие никогда не интересовали. Хотя что ее вообще в жизни интересовало, кроме Яна?

— Малина очень сладкая. Обещаю, вы еще за ней вернетесь, — пришел в себя Ветер, а Есения неожиданно для самой себя обратила внимание на его голос.

Глубокий, бархатистый, обволакивающий. Отрицать харизму этого мужчины было бессмысленно. Хорошо, наверное, что она не в силах испытывать никаких сильных чувств и эмоций. Да что там — она даже плакать не умеет, результат обморожения.

Она молча кивнула, протягивая деньги, желая побыстрее оборвать неловкий момент. Но Ветер так просто не сдавался.

Обычно женщины всегда на него реагировали. Улыбкой ли, взглядом, зардевшимися щеками, глупым хихиканьем. Они умели выражать свой интерес тысячей разных способов. Но стоящая перед ним девушка, на вид ей не больше двадцати пяти, в огромном нелепом дождевике смахивала на Снежную королеву — застыла, словно эмоции и чувства были ей чужды.

— Может, попробуете? — Он решил не сдаваться. Девушка молча покачала головой.

— Как вас зовут?

Огромные серые глаза уставились на него. Кроме удивленного взгляда, никаких эмоций, хотя внутри Есения вела с собой жаркий внутренний монолог — что он от нее хочет? Зачем спрашивает имя? Если она его назовет, то он точно не отстанет. Еще никто не оставался равнодушным, услышав ее имя.

— Маша, — тихо ответила она и снова посмотрела на продавца, пытаясь просигнализировать: «Здесь твои чары бессильны. Просто дай мне сдачу, и покончим с этим».

Словно прочитав ее мысли, Ветер отсчитал сдачу, положил малину в два пакета — похоже, странная покупательница пришла пешком или приехала на велосипеде.

— А меня Алексей, но все зовут меня Ветер. Заходите еще, завтра будет новая малина. Она в этом году особенно сладкая. И вообще, у нас есть много чего интересного.

Не слушая его болтовню, Есения быстро кивнула и направилась к выходу, натягивая поглубже капюшон. Нужно взять себя в руки и вернуться домой. Привести в чувство Яна. Обыскать его вещи в поисках запасов наркотиков. И снова с ним поговорить.

Она почувствовала, что ей начинает жечь глаза, словно в них попал горячий песок. Быстро выйдя из магазина, она поглубже запахнула дождевик, тщетно пытаясь сохранить остатки тепла. Показала велосипед в гору — ехать самой не было сил. После неожиданного демарша вся энергия выплеснулась из нее, словно дождевые потоки в ливневку.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Есения запустила руку в пакет с малиной и достала одну ягоду. Та действительно оказалась душистой и очень